

И.А. НЕВСКАЯ

**БЫТИЙНЫЕ ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ***

Бытийные предложения формируются на базе *бытийного* предиката (в шорском языке это глагол *пол* 'быть, являться, находиться') в качестве связки и его аналогов – глаголов, которые также можно отнести к *бытийным*, поскольку они выражают в той или иной степени идею бытия, а также ряда именных предикатов. Это широкое понимание термина *бытийные предложения* [Арутюнова 1976]. Существует и узкое его использование только по отношению к экзистенциональным предложениям, в которых утверждается существование в определенном пространстве некоторого предмета.

Глаголы с бытийным компонентом в своей семантике употребляются как связочные или служебные в языках разных систем, что подтверждает их особый статус в языке. В большинстве своем это предикаты, содержащие обязательную позицию для локализатора.

В семантической структуре бытийных предложений Н.Д. Арутюнова выделяет 3 основных компонента: *бытующий объект*, *локализатор* и *показатель бытия* [Арутюнова 1976: 212]. Каждый из них может стать предикативным центром бытийных предложений.

При помощи локализатора "область бытия может быть зафиксирована по пространственному или временному параметрам", но "преобладающим для классических бытийных предложений следует считать пространственное представление о мире" [Арутюнова 1976: 212].

Как и в русском языке, первые два компонента в шорских предложениях очень мобильны, подвержены структурно-семантическому варьированию, что определяет многообразие семантики бытийных предложений [Серээдар, Черемисина, Скрибник 1996]. Показатель бытия относительно стабилен.

В число бытийных предложений мы включаем и *посессивные*. Они также строятся бытийными предикатами.

Отношение принадлежности предполагает пребывание объекта обладания в сфере его собственника (в русском языке субъект обладания

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект № 95-06-17008).

часто и выражается собственно локативной формой: *у меня есть дочь*). Чтобы принадлежать, нужно существовать, существование – это пребывание в некотором пространстве. Тем самым, *локативные, экзистенциальные и посессивные* отношения – это единый комплекс взаимосвязанных отношений. Поэтому собственно локативные структуры исследователями часто анализируются в комплексе с экзистенциальными и посессивными [Lyons 1967, 1968; Арутюнова 1976; Clark 1978; Всеволодова, Владимирский 1982; Hengeveld 1992]. Eve Clark, проведя анализ бытийных предложений на материале разносистемных языков, показала, что одной из языковых универсалий является то, что языки имеют четыре типа конструкций: *экзистенциальные, локативные, обладания и посессивные*. Они противопоставлены друг другу по двум параметрам: *специфичность – неспецифичность* компонентов (что проявляется в порядке следования компонентов в линейной структуре предложения) и *одушевленность – неодушевленность* локализатора: *экзистенциальная* конструкция характеризуется препозицией неодушевленного локализатора и постпозицией локализуемого объекта, который неспецифичен, *локативная* – препозицией специфичного локализуемого объекта и постпозицией неодушевленного локализатора; *обладания* – одушевленностью локализатора при его препозиции и неспецифичности локализуемого объекта, *посессивная* – препозицией специфичного объекта при одушевленности локализатора [Clark 1978].

Мы видим, что в зависимости от одушевленности / неодушевленности локализатора он осмысливается либо как субъект обладания (при его одушевленности), либо как собственно локализатор (при его неодушевленности). Отметим, что неодушевленность локализатора еще не означает, что он не может осознаваться как посессор: *у этого дивана красивая обивка*. Видимо, неодушевленный локализатор осознается как посессор (и, следовательно, получает соответствующее оформление), если он находится в отношениях *часть/целое* со своим объектом обладания: объект обладания является его неотторжимой частью. Одушевленность локализатора также не является определяющей для понимания конструкции как посессивной. Имя, обозначающее некоторое лицо, может выступать как в своей пространственной сущности (*на тебе комар*), так и в своей социальной, персональной, сущности (*у меня много проблем*). Как посессор оно осознается во втором случае.

Разумеется, отношения собственности выходят далеко за рамки соотнесения субъекта и объекта обладания в пространстве: *мое слово* – слово, которое я сказал, *моя книга* – книга, которую я написал, *мои уче-*

ники – люди, которых я учил и т.п. Но все эти физические или идеальные объекты включаются субъектом в свою личную сферу при характеристике их как *мои*. Кроме того, семантическое развитие и метафоризация свойственны не только посессивным структурам: локативные, в частности, могут служить ярким примером транспозиционного использования локативных форм для выражения временных, каузальных и иных отношений.

В тюркских посессивных конструкциях ситуативное отношение локализации в социальном пространстве собственника выражается локативным предикатом и специфической формой локализатора. Локализатор-посессор преимущественно стоит в *притяжательной* форме: в форме родительного падежа имени или в форме притяжательного местоимения. Функции притяжательных форм в тюркских языках гораздо шире, чем в индоевропейских: они маркируют субъект обладания, тему высказывания, выступая в самостоятельной синтаксической функции, а не только (и не столько) в функции определения.

1. Бытийные ЭПП, образуемые глаголом собственно экзистенциональной семантики *пол* 'быть, существовать'

Глагол *пол* обладает наиболее абстрактной семантикой, для него характерна широкая сочетаемость с объектами локализации любого типа. Его способность обозначать *бытие вообще, пребывание где-либо вообще* предопределяет возможность его использования в качестве связки в составном именном сказуемом.

Он образует 2 типа ЭПП, различающиеся порядком следования своих компонентов и своей синтаксической семантикой: (1) ЭПП *местонахождения*, в которых в сказуемой позиции стоит локализатор, и (2) ЭПП *бытия /наличия* с бытующим объектом в позиции сказуемого.

(1) {N1 N5 (*пол*_{fin})} – модель ЭПП *местонахождения*.

Высказывания, строящиеся по данной модели, имеют значение местонахождения объекта. Он является *темой* высказывания. Новое, сообщаемое – его местонахождение:

Пуран эрткенче, пис одагда пеш кун полдыс (ШНМ) 'Пока буран не кончился, мы в шалаше пять дней просидели'; *Иштишке эжик чанында* (ЧЭФ, 47) 'Вешалка – у двери'.

Наиболее характерным локализатором в данных конструкциях является пространственный. Символ N5 в данной модели и в последующих обозначает любую каноническую форму локализатора со статическим значением, чаще всего это имя в местном падеже (дательном при

дистрибутивной локализации), имя с послелогом, а также наречие. Характерной чертой высказываний, строящихся по данным моделям, является нормативное отсутствие глагола *пол* в высказываниях, отнесенных к настоящему времени. Он, однако, может присутствовать и в этом случае, передавая значение длящегося пребывания объекта локализации в данном пространстве или значение 'бывает'.

Отрицательные предложения в настоящем времени образуются при помощи предиката именного отрицания *эбес* (из бытийного глагола *э* 'существовать' в отрицательной форме причастия будущего времени), который принимает аффиксы сказуемости (таблица 1). Употребление глагола *пол* в данном случае исключено. В будущем и прошедшем временах отрицание образуется при помощи аффикса глагольного отрицания при глаголе *пол*.

Аффикс 1 л. ед. ч. может иметь вариант + *сим* при *эбес*, который можно объяснить ассимиляционными процессами на стыке морфем, возможно, поддержанными выравниванием парадигмы по аналогии со 2-ым л. ед. ч.:

Чоо́к школда эбессиң? (ЧЭФ, 253) 'Почему ты не в школе?'; *Мен орда эбессим, мен мөзүктебим* (ЧЭФ, 253) 'Я не в яме, я на высоте'.

Данное ЭПП имеет структурный вариант в настоящем времени, при котором локализатор – сказуемое принимает аффиксы сказуемости – {N1 N5//}:

Ол адай кайда+дыр? (ШГ, 141) 'Та собака где?'; *Қарат қайда +дыр?* (ШГ, 41) 'Вороной конь где?'; *Мен кебе соонда+бын* (ШГ, 141) 'Я на корме лодки'; *Пис үйде+бис* (ШГ, 141) 'Мы дома'.

Таблица. Аффиксы сказуемости в шорском языке

	ед. ч.	мн. ч.
1-е л.	+ <i>БЫм</i>	+ <i>БЫс</i>
2-е л.	+ <i>СЫң</i>	+ <i>СААр</i>
3-е л.	+0/+ <i>ТЫр</i>	+ <i>ЛАр</i>

Вариант оформления 3-го л. ед. ч. по говорам аффиксом +*ТЫр*, видимо, развился из связочной функции глагола *тур* 'стоять', отмеченной для шорского языка Н.П. Дыренковой [1941: 141] и подтвержденной Э.Ф. Чиспияковым [1992: 254]. В примерах из современного шорского языка глагол *тур* в качестве связки нам не встретился.

Употребляются данные варианты крайне редко. Мы располагаем только примерами, приведенными Н.П. Дыренковой и Э.Ф. Чиспияковым. Отрицательная форма в такого рода предложениях также образует-

ся при помощи отрицания *эбес*, к которому присоединяются предикативные аффиксы.

Помимо глаголов *пол* и *тур* в качестве связочных в данных конструкциях Н.П. Дыренкова отмечает глагол *чат* (его лексические значения ‘жить, лежать’) в форме *чадыр* [1941: 256]. В современном шорском языке *чадыр* выступает не как связочный, а как модальная частица, передающая значение предположения ‘возможно, должно быть’, видимо, развисяшая на основе его употребления в качестве связки:

Аҕаш аразында палер (палалар) чадыр (АЛН) ‘В лесу, наверное, ребятишки’.

(2) {N5 N1 (*пол_{fin}*)} – модель ЭПП *бытия/наличия*.

Высказывания, построенные по этой модели, сообщают о существовании в каком-то фрагменте мира (или мире в целом) некоторого объекта. Это ЭПП имеет два семантических варианта –

бытия:

Андагы черде тогус чылга тозулбас той полчер (ШФ, 28) ‘В той земле пир, который и в девять лет не кончится, идет’; *Тайгада қадыг чыл полды* (ШГ, 208) ‘В тайге был трудный год’;

и *наличия*:

От эбуре оганнар (ОФ, 39) ‘Вокруг огня дети’; *Эбуре ай-напа-лай* (АТ, 56) ‘Вокруг – тьма непроглядная’.

Бытийный вариант реализуется в высказываниях, в которых локализатор носит миропорождающий характер [Богуславский 1996]: он не столько локализует объект в физическом пространстве, сколько задает мир, в рамках которого существует данный объект. Вариант *наличия* реализуется при собственно локативном обстоятельстве:

{N5^{миропорожд.} N1 (*пол_{fin}*)} – семантический вариант *бытия*;

{N5^{собственно локативный} N1 (*пол_{fin}*)} – семантический вариант *наличия*.

В обоих случаях локализатор передает известное, данное, является *темой* высказываний, строящихся по данной модели; он обозначает пространство как среду существования каких-то объектов. Новым, *ремой*, является бытующий объект. Если такое высказывание – начальное в тексте, то оно представляет собой особый тип высказывания – *интродуктивный* [Арутюнова 1976: 220–224]:

Пурунда ашылардың айтчытқан сөстерибе қондум пажында қарагы толбас паштық чатқан полтур (ШГ, 227) ‘Прежде, по словам стариков, в верховьях Кондомы алчный паштык жил’.

Интродуктивные предложения выполняют особую функцию в тексте, которая состоит во ‘введении лиц, предметов, явлений, событий и

пр. в предметную область приложения языка в заданных условиях коммуникации” [Арутюнова 1976: 223]. Основные структурные особенности шорских интродуктивных предложений отмечены В.М. Теляковой [Телякова 1993: 27].

Данное ЭПП в настоящем времени имеет структурный вариант с лично-предикативным оформлением сказуемого – бытующего объекта – {N5 N1//}:

Анда қанча кижси+дир? (ШГ, 141) ‘Там сколько человек?’; *Анда кем+дир?* (ШГ, 141) ‘Там кто?’; *Э-е, Қан Кес, алған кижсим, теген, по чарық черде менне+бим, теп санадың ма?* (ЧЭФ, 280) ‘Э-э, Кан Кес, мой муж, не думал ли ты, что ты только один и есть на этой светлой земле?’.

При этом личное оформление сказуемого является аутотентичным: в сказуемом такого типа как бы слились воедино субъект и предикат ЭПП.

У ЭПП бытия/наличия можно отметить структурно-семантический вариант выделения бытующего объекта из класса однородных объектов – {N5/N2^{Class} аразында N1^{specific} (пол_{fin})}, при этом локализатор обозначает класс объектов, в котором бытует специфический объект:

Шор тилибе көбүзүн Ф.С. Чиспьяков пасқан, ол да көп эбес, тир-ийги чоо-гаштар. Ааң аразында чақшызы (т.е. *чақшы чоогаш*) “Шолпан” (ЧАИ, 1994) ‘На шорском языке большую часть Ф.С. Чиспьяков написал, и он не много, несколько (досл.: один-два) рассказов. Среди них – лучший рассказ “Шолпан” (“Венера”)’.

Этот вариант отмечен в русском языке Н.Д. Арутюновой и Е.Н. Ширяевым [1983]. Мы полагаем, что содержанием данных предложений является гибридная пропозиция, объединяющая бытийную и характеризующую. Помимо утверждения существования объекта в высказываниях данного типа он охарактеризован различными способами: 1) он может быть идентифицирован, 2) назван по имени, 3) качественно охарактеризован по различным параметрам. Для нас эта конструкция, тем не менее, семантически элементарна, поскольку в ней выражается только одно локативное отношение – локация.

2. Бытийные ЭПП,

строящиеся несобственно экзистенциональными глаголами

ЭПП данного типа строится по модели:

(3) {N5 N1 V^{exist}_{fin}} – ЭПП охарактеризованного бытия / местонахождения.

Данное ЭПП строят глаголы, семантически родственные глаголу *пол*, поскольку все они содержат идею *бытия* в составе своего значения. Но их содержание не ограничивается выражением только бытийности. Бытие в них получает *охарактеризованное* выражение по разным параметрам: типу бытующего объекта, по своей фазовой структуре и т.п.

Данное ЭПП в шорском языке варьируется по 2 структурно-семантическим параметрам: 1) порядок компонентов; 2) падежная форма локализатора (местный или дательный).

В соответствии с порядком компонентов данное ЭПП имеет 2 структурно-семантических варианта. При препозиции локализатора оно имеет *экзистенциальное* значение – $\{N5 N1 V^{exist}_{fin}\}$.

При препозиции бытующего объекта ЭПП имеет значение *местонахождения* – $\{N1 N5 V^{exist}_{fin}\}$.

В соответствии со вторым параметром, имеются структурно-семантические варианты ЭПП с локализатором в дательном-направительном падеже со специфическим статическим значением *неопределенно-дистрибутивной* локализации – $\{N3 N1 V^{exist}_{fin}\}$ – *охарактеризованное неопределенно-дистрибутивное бытие*:

Куруп парган черге чажар кел өлең өсти (ШГ, 297) 'По высохшей земле, зеленея, трава выросла'; *Оно шақпо черге тор-ат чабылыш чалын чабынап ол турғаны* (ШГ, 184) 'Вот, где-то в той земле, гнедой конь, гриву свою расстелив и ею укрывшись, умирает' –

экзистенциальный вариант, *неопределенно-дистрибутивное* значение у локализаторов: значение *дистрибутивной* (*куруп парган черге* 'по всей высохшей земле') или *неопределенной* (*оно шақпо черге* 'где-то в той земле') локализации предполагает объемность обозначаемого локализатором пространства;

$\{N1 N3 V^{exist}_{fin}\}$ – *охарактеризованное неопределенно-дистрибутивное местонахождение*:

Пистиң улуг кижилер по черге чатқаннар полтур (КАМ) 'Наши предки по всей этой земле жили' –

вариант *местонахождения*, *дистрибутивное* значение у локализатора.

Рассмотрим предложения с *экзистенциальными* предикатами, характеризующими бытие по разным параметрам.

1. Предложения, образованные *экзистенциальными* глаголами, охарактеризованными по типу бытующего объекта: *чат* в ЛСВ 'жить', *чурта* 'жить', *чада* 'жить', *түш* 'выпадать (о снеге)', *чаг* 'идти (о дожде, снеге)', *кир* 'идти о шуге' и т.п.:

Писте меең арғыжым чатча (ОПВ) 'У нас мой товарищ живет'; Пистиң чатчыған черде қышқыда қар көп түшча (ОФ, 90) 'В местности, где мы живем, зимой много снега выпадает'; Таскылға поорлап келип, қар чагды, ақ талайда қыжылып келип, нег кирди (ШГ, 153) 'На белых гольцах, бурно падая, посыпал снег, на белом море, шумя, двинулась шуга' – высказывания экзистенциональной семантики;

Абам анарқы черде чадып өлгенде, мен тезе мында чадып одургадығым (ШГ, 191) 'Когда мой отец, в той земле лежа, умирает, я, что же, здесь буду жить'; Ол писте чатча (ОПВ) 'Он у нас живет'; Петя эмди, кўрдек сандиге Тубун тагдың тўзўндағы ўйчекте чатча... (АТ, 14) 'Петя теперь в находящейся у подошвы горбатого, круглого Тубуна избушке живет...' – высказывания с семантикой *местонахождения*.

Семантика глаголов *чат* (в ЛСВ 'жить'), *чажа*, *чурта* предполагает, что субъектом их действия (а значит, объектом локализации при данных локативных предикатах) является лицо или иное одушевленное существо. Глагол *пол* не вносит такого ограничения на тип бытующего объекта: им может быть и лицо, и предмет, и событие, и абстрактное имя, например, обозначение периода времени. С именами, обозначающими природные явления, употребляются глаголы *түш*, *чаг*, *кир*, образуя с ними устойчивые фразеологизированные сочетания. Бытийное значение данные глаголы приобретают только в составе таких сочетаний.

2. ЭПП данного типа строится также глаголами экзистенциональной семантики, осложненной дополнительными *фазовыми* семантическими признаками возникновения (маркирована начальная граница существования) некоего предмета или ситуации: *пол пар* 'появиться, возникнуть', *пожала пер* 'начаться', *тууг* 'рождаться', *иштел* 'создаваться', *өс* в ЛСВ 'вырасти'; – или их исчезновения (маркирована конечная граница): *чит* 'исчезать, пропадать', *тоозыл* 'кончаться, истощаться', *өл* 'умирать', *түген пар* 'кончаться'.

Локализатор может предшествовать локализуемому объекту; в этом случае высказывание имеет *экзистенциональный* смысл; в нем дается качественная характеристика среды по возникновению и последующему наличию в ней бытующего объекта или по его исчезновению:

Пистиң аймақта наа келген кижилер көп пол парды, тегри алтында музей иштелча (ОПВ) 'В нашем поселке новых людей много появилось, под открытым небом музей создается'; По черде қаданок иштелча (БНА) 'В этой земле перестройка делается'; Эмде қалаш түген парған (БНА) 'В доме кончился хлеб'.

Если бытующий объект стоит в препозиции к локализатору, то высказывание имеет не экзистенциональный, а собственно локативный смысл – сообщение о появлении и последующем местонахождении объекта или о его исчезновении и последующем отсутствии в обозначенном локализатором пространстве:

Мен сибирде туугам (ОПВ) ‘Я родился в Сибири’; *Улар агаиш аразында көлен пардылар* (БНА) ‘Они в лесу (скрылись из виду) исчезли’.

3. Локативные высказывания по этой модели образуются также глаголами пространственной локализации без конкретизации положения предмета в пространстве: *қал* ‘оставаться’, *өс* в ЛСВ ‘расти’, – т.е. глаголами, которые помимо выражения бытийного значения, обозначают пребывание объекта где-либо без уточнения их положения. Каждый из них имеет также семантические *добавки*, например, *қал* передает значение стабильности местоположения в пространстве бытующего объекта и его неизменность после некоторого критического момента, когда оно могло измениться:

Мен нар келгенче, сен меең үйимде қала пер (ШГ, 161) ‘Пока я езу, ты в моем доме оставайся’ – *местонахождение*;

Часқыда парчын черде көбк олең өсча (АЛН) ‘Весной по всей земле трава растет’ – *экзистенция*.

4. Высказывания, образуемые глаголами, помимо бытийного значения передающими также положение бытующего предмета в пространстве: *тур* в ЛСВ ‘стоять’, *одур* в ЛСВ ‘сидеть’, *чат* в ЛСВ ‘лежать’, *ас* ‘висеть’, *сорай* ‘торчать’, *чайыл* ‘расстилаться, распространяться’ и др., при препозиции локализатора имеют значение *экзистенции* объекта в некотором пространстве (давая ему дополнительную характеристику его положения в пространстве):

Тор эбире оруннар турчалар (ЧЭФ, 47) ‘Вокруг стола стоят лавки’; при препозиции бытующего объекта – его *местонахождения*:

Оруннар тор эбире турчалар ‘Лавки вокруг стола стоят’.

5. Высказывания с глаголами, содержащими семантический признак обнаружения своего местонахождения своим внешним видом, характерными звуками или движением: *көрин* ‘виднеться’, *угыл* ‘слышаться’, *нолыбыс* ‘оказаться’, *чаккийле* ‘цвести’, *чылтыра* ‘блестеть’, *көгер* ‘зеленеть’, *қарар* ‘чернеть’, *шоола* ‘журчать’, *ығыра* ‘скрипеть’, *қағыжсыра* ‘шуршать’, *аақта* ‘громко кричать’, *көгле* ‘щебетать’, *киште* ‘ржать’, *оңнен* ‘цвести’, и др., в зависимости от порядка следования их компонентов образуют структурно-семантические варианты *бытия*:

Төбере тубан ма тартыл парган ора көрүнча (АТ, 10) 'Внизу туманом затянутая пропасть виднеется'; Төбере чуртапчатқан черде ағаштар көгерирже пергеннер (АТ, 26) 'Внизу, там, где живут, деревья уже зазеленели'; Өре писти тутқалған таштар қарарчалар (АТ, 58) 'Выше нас удержавшие камни чернеют';

и местонахождения:

Шағол тушта қыжьылапчытқан құртаан азақтарының қыйында полубусту (АТ, 23) 'И в тот же миг шипящая гадина у самых его ног оказалась'.

Первые три глагола имеют более абстрактное значение по сравнению с последующими, которые охарактеризованы по типу бытующего объекта.

6. По данной модели строятся локативные высказывания с глаголами, осложненными дополнительными семантическими признаками цели пребывания (с теми же структурно-семантическими вариантами): қышта 'зимовать', аала 'гостить', қон 'ночевать', уйа сал 'гнездиться':

Колхозниктер қырада қонған (ОПВ) 'Колхозники на пашне ночевали'.

7. Высказывания с глаголами фиксированного несвободного движения: шайбын 'болтаться, полоскаться', чайкал 'качаться', эбирил 'кружиться', элең 'шататься', шайқы 'плескаться', пезил 'колыхаться', ық 'плавать во взвешенном состоянии, колыхаться в воде' также имеют два структурно-семантических варианта: бытие и местонахождение.

Төбертин шықчатқан тубан эмди ол черчектин үстүнде пезилген (АТ, 40) 'Снизу поднимающийся туман теперь над той площадкой колыхался' – местонахождение;

Сүг қаштарында пайағы-ла сузақ асқырлар ағарып чөрчытқан ушқаш, қоштаа келе перзең, тезе, көбүктер ық чөрчалар (ШГ, 294) 'У берега, как будто какие-то крохали, белея, плавают, а когда близко подойдешь, – это пена плавает' – бытие.

8. Локативные высказывания с глаголами динамического пребывания образуются глаголами, обозначающими неориентированное поступательное или ненаправленное хаотичное движение, координаты объекта локализации в пространстве при таком движении не меняются: арла 'смешаться (с толпой), двигаться между', аас 'блуждать', учуғуш 'перелетать с места на место', сегри 'плясать, с ветки на ветку перепрыгивать', ыстыр 'прыгать (на месте)', тай 'скользить', теен 'скитаться', толғал 'извиваться', а также рядом глаголов в ЛСВ неориентированного движения: чөр в ЛСВ 'ходить', эмекте в ЛСВ 'ползать', учуқ в ЛСВ

‘летать’, *тес* в ЛСВ ‘бегать’, *чүгүр* в ЛСВ ‘бегать’, *қалықта* в ЛСВ ‘скакать’, *чүс* в ЛСВ ‘плавать’, *шом* ‘плавать, купаться’, *чоқта* ‘плавать (о рыбе)’, *ақ* ‘плавать по поверхности (о лодке без управления, о бревне)’. Многие из этих глаголов, обозначают движения, свойственные объектам локализации определенного типа. Также выделяются два структурно-семантических варианта:

Таштар алтында көрүнмеен қолчақтар шырлап аақчалар (АТ, 36) ‘Под камнями невидимые ручейки, журча, текут’; *Сарғар парған пүкте азырағ қастары үчүғишчалар* (БГФ) ‘На пожелтевшем лугу откормленные гуси летают’ – бытийный вариант;

“*Тур, паллады ичези биле алып Египетке парып, анда мен айтқамче чөр*” *деен* (СИ, 102) “‘Вставайте, детей и жен взяв, в Египет идите, там, пока я не скажу, странствуйте’”, – сказал’ – вариант *местонахождения*.

9. На периферии бытийных конструкций находятся специфические конструкции с глаголами, обозначающими род занятий субъекта, такими как *работать*, *учиться* и т.п. Локативный актант в них является обязательным в том случае, если они обозначают статус объекта локализации: *учиться в школе*, т. е. *быть школьником*.

3. Посессивные ЭПП, образуемые глагольными бытийными предикатами

Данные ЭПП образуются, в первую очередь, глаголом *пол*. Обладание – это существование в сфере субъекта обладания, который является своеобразным локализатором; объект обладания локализуется в некотором социальном пространстве, создаваемом отношениями собственности/принадлежности:

(1) {N2 N1/N+//+1 *пол_{fin}*} – ЭПП *обладания*:

Шулбайдың тоғус оол полтур (ЧЭФ, 282) ‘У Шулбая было девять сыновей’; *Силердің қайде пола шен түк небе полчаң, қанче-ле парын тоза акирар! теди* (ЧЭФ, 282) ‘У вас сколько пушнины может быть, сколько бы ни было, всю несите! – сказал’; *Меең қызым полча* ‘У меня есть дочь’.

Эта конструкция отмечена в шорском языке В.М.Теляковой [Телякова 1993: 28–29]. Глагол *пол* является ее структурным центром, без него просто нет предложения: сочетание *меең қызым* ‘моя дочь’ – не предикативное, а определительное. Особенностью данной конструкции является то, что употребление *пол* обязательно при отнесении высказывания к любому из времен. Локализатор – субъект принадлежности

оформлен притяжательным местоимением или именем в родительном падеже, образуя особый структурный тип локализатора.

Это ЭПП имеет прагматический структурный вариант с препозицией объекта обладания, который является темой высказываний, строящихся по данному варианту модели:

Түк небе силердиң полчаң (КГВ) 'Пушнина у вас водится, должна быть'.

Имя объекта принадлежности может быть оформлено притяжательным показателем, кореферентным с именем субъекта обладания, обозначая определенность объекта принадлежности. Без личного оформления оно передает принадлежность объекта обладания к классу однородных объектов и противопоставляет его представителям других классов.

Вариант ЭПП с посессивным аффиксом при объекте обладания выражает более тесные связи между ним и субъектом обладания, а также подчеркивает факт личного обладания. Кроме того, употребление личного показателя подчеркивает определенность объекта обладания. Высказывания, строящиеся по данному варианту ЭПП, не являются сообщениями о том, что у данного субъекта есть (или нет) объект данного класса, т.е. объект таким высказыванием не вводится. Всем и так известно, что этот объект у данного субъекта есть. Такое высказывание только напоминает о его наличии.

Вариант ЭПП без посессивного аффикса выражает наличие какой-то вещи как представителя данного класса вещей у субъекта обладания.

Соответственно, выделяются два структурно-семантических варианта ЭПП:

{N2 N+//+1 пол_{fin}} – вариант обладания определенным объектом:

Меең қызым полча (ОПВ) 'У меня же уже есть своя собственная дочь';

{N2 N1 пол_{fin}} – вариант обладания одним из представителей класса объектов:

Меең қыс полча, оол тезе чоғуд (АЛН) 'У меня есть дочь, а сына нет'; Сеєң көй ақча полған (ТСМ) 'У тебя было много денег'; Ылардың қыс полған (КГВ) 'У них была девочка'; Сеєң көй ақча полтыр (КГВ) 'У тебя денег много было, видать'.

Отсутствие личного оформления у объекта принадлежности доказывает, что комплекс *меең қыс* не является изафетным определительным сочетанием. Кроме того, между ними возможна вставка другого слова: *Меең үүрдең қыс полча* 'У меня с давних пор есть дочь'. Более того, это и не словосочетание, как не является словосочетанием *я, книгу*,

выражающие субъект и объект транзитивного предиката (я читаю книгу). *Меең* и *қыс* связаны между собой только через предикат.

Локализатор в результате речевого эллипсиса может опускаться, субъект обладания в таком случае выражен только притяжательным аффиксом при обладаемом объекте.

Силер чулат кезер кебем полбады (АЛН) 'У меня не было лодки, на которой вы могли бы пересечь реку'.

Аналогичное ЭПП обладания может строиться другими бытийными глаголами, осложненными дополнительными семантическими признаками маркирования начальной, конечной или срединной фазы обладания некоторым объектом, например: *пол пар* 'появиться', *қал* 'остаться' и т.п.:

(2) {N2 N1/N+//+1 V^{exist} fin} – ЭПП *охарактеризованного обладания*:
 "Паза-ла акирчең небебис қалбады!" *тештилер* (ЧЭФ, 282)
 "Больше ничего, что можно было бы принести, не осталось!" – сказа-
 ли'.

Оно также имеет прагматический структурный вариант с тематизацией объекта обладания. У него, как и у предыдущего, есть структурно-семантические варианты с притяжательным оформлением объекта обладания и без него:

{N2 N+//+1 V^{exist} fin} – структурно-семантический вариант *охарактеризованного обладания определенным объектом*;

{N2 N1 V^{exist} fin} – структурно-семантический вариант *охарактеризованного обладания одним из представителей класса объектов*.

Тем самым, эти два ЭПП проявляют общие закономерности функционирования, имеют идентичную систему вариантов, их семантика подпадает под одну общую категорию: обладание некоторым объектом. На этих основаниях мы их объединяем в гипермодель:

{N2 N1/N+//+1 V^{exist} fin} – гипермодель ЭПП *обладания / охарактеризованного обладания объектом*.

4. Бытийные ЭПП, образуемые именными бытийными предикатами

К ним относятся следующие предикаты:

1) *собственно экзистенциальные предикаты*: *пар* 'есть', выражающий идею бытия, наличия предмета; *чоқ* и *чоғул* 'нет, не имеется', обозначающие отсутствие, небытие некоторого предмета;

2) *предикаты качественной оценки количества* бытующих объектов: предикат *көп* 'много', обозначающий *избыточное наличие* бытующих

щих объектов; *ас* 'мало' – их нехватку; *ас эбес* 'немного', *кӧн эбес* 'немало', *кӧбаарақ* 'немного, побольше', *азаарақ* 'меньше' – предикаты, обозначающие *приблизительное количество*; *толдура* 'полно', *қан талай* 'море разлитое (букв.: господин-море)', *койу чыш* 'полным-полно (букв.: густая чаща)', *қыйал* 'полным-полно (букв.: грех, преступление, проступок, диалектно: междометие, выражающее удивление)', *саны чоқ / шӧди чоқ (небе)* 'бесчисленное множество' (*саны/шӧт чоқ* 'бесчисленный', *шӧт* 'счет' – заимствование из русского), *ужы-пажы чоқ / ужы чоқ / пажы чоқ (небе)* 'бесчисленное множество (досл.: конца-начала нет, чаще о пространствах)' – предикаты *экспрессивной оценки количества* бытующих объектов. Среди последней подгруппы – предикатов *экспрессивной оценки* – можно выделить специализированные предикаты оценки количества *исчисляемых* или *неисчисляемых* объектов. Остальные предикаты нейтральны по отношению к этому признаку. В английском языке большинство слов, выражающих *приблизительную оценку количества объектов*, специализированы на этом основании: *much* 'много', *little* 'мало', *a little* 'немного' – о *неисчисляемых объектах*, *many* 'много', *few* 'мало', *a few* 'немного' – об *исчисляемых*. Хотя они не строят аналогичных с описываемыми конструкций, мы упоминаем этот факт, поскольку он выявляет своеобразие тюркских предикатов *приблизительной оценки количества бытующих объектов*.

Именные предикаты строят следующие ЭПП.

(1) {N5 N1 *нар* (Cоп)} – ЭПП *наличия/бытия*.

Глагол *пол* выполняет в данной модели роль связки, необходимой при отнесении высказывания к прошлому или будущему времени и опускаемой обычно в настоящем времени.

Сказуемым высказываний, построенных по данным моделям, выступает предикат *нар*. Локализатор является *темой* высказываний, он – известное, данное. Он обозначает среду, которая характеризуется по наличию или бытию в ней некоторого объекта. Соответственно, выделяется два семантических варианта этой модели – *наличия*, при котором объект локализации соотнесен с частным фрагментом мира, а не с миром в целом (или не с миром – средой своего обитания), пребывание в данном пространстве носит для него временный характер –

{N5^{собственно} ^{локативный} N1 *нар* (Cоп)} – семантический вариант *наличия*:

Кузница иштінде тебирдең пашқа шойун, молат, қорғачын, телте, қола, ақ қорғачын нар (ЧЭФ, 65) 'В кузнице кроме железа чугуна, сталь, свинец, жель, медь (желтая), олово имеется';

и *бытия*, если в качестве локализатора выступает *мир* в целом, или обычная сфера бытования данного объекта (локализатор может опускаться) –

{N5^{миропорожд} N1 *пар* (Сор)} – семантический вариант *бытия*:

Қан Ергек тең чылтыс пар (ШФ, 282) ‘Есть звезда (в мире) по названию Кан Ергек’.

ЭПП имеет прагматический структурный вариант с препозицией бытующего объекта – {N1 N5 *пар* (Сор)}:

Доктор, сен пазыр перген эмнер пистин турадагы аптекаларда пар ба, чоқ па? (ЧЭФ, 131) ‘Доктор, вами выписанные лекарства в находящихся в нашем городе аптеках есть ли, нет ли?’.

В отличие от ЭПП, строящихся бытийным глаголом *пол*, этот фактор не является моделиобразующим (или хотя бы фактором, образующим структурно-семантический вариант ЭПП, как в ЭПП с несобственно экзистенциональными предикатами). Видимо, наличие в предложении именного предиката препятствует пониманию его как предложения местонахождения, хотя акценты при данном структурном варианте смещаются: объект локализации становится *темой* высказывания, построенного по данному варианту модели.

В ряде тюркских языков Сибири предложения, построенные на базе данной модели, могут иметь *посессивный* смысл, если употреблен личностный локализатор [Серээдар 1995: 12]. В шорском языке такие высказывания имеют смысл не принадлежности бытующего объекта данному лицу, а временного его наличия в сфере данного лица (при нем или в его доме), при этом бытующий объект является собственностью другого лица, что отмечено В.М. Теляковой [Телякова 1993: 28], или же у субъекта обладания есть готовность с этим объектом расстаться:

Ноо ачыққа парбаанчаң? Сенде меең мылтығым пар на (ОПВ) ‘Что ты не ходишь на промысел? У тебя же есть мое ружье’; *Менде ақча пар* (АЛН) ‘У меня (при мне) деньги есть’.

Соответственно, мы выделяем структурно-семантический вариант ЭПП: {N5^{person} N1 *пар* (Сор)} – *временное обладание* объектом.

Отмечается также структурно-семантический вариант с дательным падежом личностного локализатора в шорском языке [Телякова 1993: 28]: {N3^{person} N1 *пар* (Сор)} – *обладание* объектом, предназначенным для своего использования:

Маға ақча пар (АЛН) ‘У меня (для себя) деньги есть’.

Еще один структурно-семантический вариант данного ЭПП служит для выделения объекта из класса однородных объектов. Его образуют

локализатор и объект локализации, связанные между собой отношениями *класс предметов – один из представителей этого класса –* {N5/N2^{Class} *аразында* N1^{specific} *пар (Сор)*} – выделение объекта из класса, к которому он принадлежит:

Көн сөстүң аразында мендиг сөс пар... (ЧАИ, 1994) ‘Среди многих слов (имеется в виду высказываний) такое слово есть...’.

Данный вариант имеет значение наличия предмета – объекта локализации, обладающего особыми свойствами, в классе однородных предметов. Локализатор может быть выражен существительным во множественном числе в местном падеже или сочетанием имени класса с послелогом *аразында* ‘среди, между’. Объект локализации специфичен, он может иметь при себе определение, обозначающее тот признак, по которому этот объект выделен из ряда однородных объектов, либо он выражен именем собственным, прямо называющим данное лицо или предмет (такую конструкцию объекта локализации можно рассматривать как упрощенное определительное сочетание: *Среди них был Иван Иванович* > *Среди них был человек по имени Иван Иванович*), но он не может быть неспецифичным: высказывание **Среди многих слов есть слово* не имеет смысла.

(2) {N5 N1 *чоқ (Сор)*} – модель ЭПП *отсутствия/небытия*.

Эта модель также имеет два семантических варианта –

{N5^{собственно локативный} N1 *чоқ (Сор)*} – семантический вариант *отсутствия*:

Кол чүзүнде тир да толкуг чоқ (КГВ, 21) ‘На поверхности озера никакой ряби нет’; *Анда қырыш-табыш чоқ полды* (ЧЭФ, 128) ‘Там ссоры и шума не было’; *Анда парчын тир таныш кижичи чоқ* (КГВ) ‘Там все равно знакомых нет’;

{N5^{миропорожд} N1 *чоқ (Сор)*} – семантический вариант *небытия*:

Мен одур полбас аң тайгада чоқ (ОФ, 104) ‘Нет в тайге зверя, которого я не мог бы убить’; *По пала иштинде тир да мекке-тайба чоқ полар* (КГВ) ‘Кажется, в этом ребенке нет ни капли хитрости, обмана’; *Силердин қыс-қарындашта тир да чақшы эбес небе чоқ* (КГВ) ‘В вашей сестренке совсем ничего плохого нет’.

В качестве сказуемого в данном ЭПП употребляется также предикат *чоғул*. *Чоқ* просто констатирует отсутствие объекта локализации в определенном пространстве, а *чоғул* имеет экспрессивный компонент в своей семантике: говорящий удивлен отсутствием объекта, это противоречит его ожиданиям. Сравните: *Қатпажында тирдаа чоқ* (КГВ) ‘В комнате никого нет (констатация факта)’ и *Қатпажында тирдаа чоғул*.

(КГВ) 'В комнате никого нет, оказывается (говорящий удивлен, он этого не ожидал: видимо, раньше кто-то в комнате был, или кто-то должен был быть)'.
'

Есть еще одно различие между *чоқ* и *чоғул*: *чоқ* функционирует в качестве привативной частицы (возможно, уже можно говорить о привативном аффиксе): *иш чоқ* 'безработный' и слова-предложения *нет* (в отличие от русского языка, где нет такого разделения функций у слова *нет*; ему, конечно, в этом плане можно противопоставить предикат *нету*, но последний имеет определенную стилистическую окраску: он характерен для разговорной речи). Сравните два высказывания, в которых данные слова употреблены контрастно: *Анда кижси пар ба?* – *Чоғул* (КГВ) 'Там люди есть? – Нет (никого нет: *чоғул* – бытийный предикат)' и *Анда кижси пар ба?* – *Чоқ*, *Анда тир даа кижси чоғул* (КГВ) 'Там люди есть? – Нет. Там ни единой души нет (*Чоқ* – слово-предложение; говорящий отрицает предположение собеседника, что кто-то там есть)', возможен также следующий ответ на этот вопрос: *Чоқ*, *Анда тир даа кижси чоқ*, где *чоқ* употреблен дважды в разных функциях; см. также: *Сен парарың ба?* – *Чоқ*, *мен аага парбассым* (КГВ) 'Ты пойдешь? – Нет, я туда не пойду (*чоқ* – слово-предложение *нет*)'.

Данное ЭПП, как и предыдущее, имеет структурный вариант с позицией бытующего объекта – {N1 N5 *чоқ* (Сор)}:

Ол қайда-да чоқ (ЧЭФ, 128) 'Его нигде нет'; *Ааң аргыштары чуртта чоғуллар* (ЧЭФ, 128) 'Его товарищей в деревне оказывается не было'.

У этого ЭПП есть следующие структурно-семантические варианты:

1) {N5/N2^{Class} *аразында* N1^{specific} *чоқ* (Сор)} – выделение объекта из класса:

...парчын талай эбире чатчатқан кижсилерде ааны уңнабаан кижси чоқ полған... (Ч-Г, 39) '...во всем вокруг моря живущем народе не знавшего его человека не было...'; *По чыылган аттарда ақ тўктўк мал чоғул* (ЧЭФ, 128) 'Среди собравшихся коней нет коня (досл. 'скотины': *мал* диал. 'конь') с белой шерстью';

2) {N5^{person} N1 *чоқ* (Сор)} – временное отсутствие объекта у субъекта обладания или отсутствия чужого объекта в "сфере обладания" субъекта:

Менде ақча чоқ (АЛН) 'При мне денег нет'; *Менде сеең мылтығын чоқ* (АЛН) 'У меня твоего ружья нет';

3) {N3^{person} N1 *чоқ* (Сор)} – структурно-семантический вариант отсутствия объекта, предназначенного для своего использования:

Маға ақча чоқ (АЛН) ‘У меня (для себя) денег нет’.

Данные ЭПП проявляют сходство в структурно-семантической вариативности, их сближает бытийный компонент их семантики, поэтому мы считаем возможным постулировать наличие объединяющей их гипермодели – гипермодель ЭПП *наличия/отсутствия бытующего объекта*: {N5 N1 *нар/чоқ* (Сор)}.

(3) {N5 N1 *көн* (Сор)} – ЭПП количества.

Сказуемым в данных предложениях является имя со значением количества, приблизительного количества, экспрессивной оценки количества бытующих объектов:

По қорумда албыға (албығалар) ас (ЧЭФ, 256) ‘В этих россыпях камней соболей мало’; *Ылардың эмде номнар көп* (АЛН) ‘У них в доме книг много’; *Библиотекада ном ас эбес* (КГВ) ‘В библиотеке книг немало’; *Қалық эмде толдура* (КГВ) ‘Народу в доме – полно’.

Сравните два высказывания: *Пүүл тайғада көп тийиң нар* ‘В этом году в тайге много белок’, в котором имя бытующего объекта имеет при себе количественное определение и *Пүүл тайғада тийиң көп* ‘В этом году в тайге белок много’. Последнее высказывание представляет собой контаминацию двух ситуаций: *Пүүл тайғада тийиң нар* ‘В этом году в тайге есть белки’ и *Тийиң көп* ‘Белок много’. Тем самым, значение *количественной оценки и бытийности* слито воедино в семантической структуре предикатов *качественной оценки количества* бытующих объектов: чтобы подвергнуть оценке количество бытующих объектов, нужно, чтобы они существовали. Видимо, содержанием высказываний, построенных этими предикатами, является *гибридная пропозиция*, объединяющая две примитивных, ядерных, элементарных: *бытийности* и *характеризации*.

Особый интерес представляют высказывания с экспрессивными предикатами оценки количества бытующих объектов. Ряд из них представляют собой идиоматические выражения и употребляются с объектами локализации определенного типа: жидкие объекты, исчисляемые объекты:

Анда кижилер ужы-пажы чоқ/саны чоқ (КГВ) ‘Там людей – видимо-невидимо (досл.: конца-начала нет/счета нет)’; *Анда суг қан талай* (КГВ) ‘Там воды – море разлитое (букв.: господин-море)’.

Это ЭПП имеет структурно-семантический вариант с именами-номинализаторами в составе сказуемого:

{N5 N1 Pred^{express} *небе/кижи* (Сор)} – экспрессивная оценка *количества*:

Анда кижилер ужы-пажы чоқ (кижи) (КГВ) 'Там людей – видимо-невидимо'.

Закономерности употребления предложений данного типа во многом совпадают с предложениями, формируемыми предикатами *нар* и *чоқ*. В качестве связки при отнесении высказывания в прошедшее или будущее время в предложениях данного типа обычно выступает глагол *пол*. Они также имеют прагматический структурный вариант, предопределенный порядком компонентов: {N1 N5 *көн* (Сор)}. И у них можно выделить структурно-семантические варианты 1) количества временно имеющих объектов обладания у некоторого субъекта {N5^{person} N1 *көн* (Сор)}, некоторого количества объектов для своего использования {N3^{person} N1 *чоқ* (Сор)} и количества специфических объектов в классе {N5/N2^{Class} *аразында* N1^{specific} *көн* (Сор)}. Кроме того, их объединяет идея бытия, содержащаяся в семантике предикатов наличия, отсутствия, количества. Серээдар Н.Ч. [1995] объединяет эти структуры в единой гипермодели наличия/отсутствия/количества. Однако, это ЭПП не имеет присущих ЭПП наличия и отсутствия семантических вариантов бытия/небытия и наличия/отсутствия. Видимо, количественная оценка является несколько иным типом пропозиции, чем собственно бытийные. Кроме того, это ЭПП имеет структурно-семантический вариант экспрессивной оценки количества бытующих предметов, которого мы не обнаруживаем у ЭПП наличия и отсутствия. Разумеется, экспрессивно выразить факт наличия или отсутствия бытующего объекта также можно, но для этой цели будут использоваться соответствующие формы сказуемого, частицы и т.п., что не образует отдельного структурно-семантического варианта ЭПП. На основании специфики структурно-семантической парадигмы ЭПП количества мы не объединяем его в одну гипермодель с ЭПП наличия и отсутствия.

5. Канонические посессивные ЛК некаузативной локации, образуемые именными бытийными предикатами

Именные предикаты *нар*, *чоқ*, *чогул*, *көн*, *ас* и т.п. образуют посессивные ЭПП, в которых передается наличие, отсутствие или количество некоторого объекта у данного лица в его собственности. Личностный локализатор в данных ЭПП имеет форму притяжательного падежа имени или притяжательного местоимения:

{N2 N1/N+//1 *нар* (Сор)} – ЭПП *наличия объектов обладания*;

{N2 N1/N+//1 *чоқ* (Сор)} – ЭПП *отсутствия объектов обладания*;

{N2 N1/N+//1 *көн* (Сор)} – ЭПП *количества объектов обладания*;

Меең қызым пар (ШНМ) ‘У меня же есть дочь’; Меең мылтық чоқ (ШНМ) ‘У меня ружья нет’; Пистиң иш чоқтар ақтап чоқ (ЧЭФ, 128) ‘У нас безработных совсем нет’; Пистиң чыш ұжы-пажы чоқ/ужы чоқ/пажы чоқ (небе) (КГВ) ‘У нас лесов бесчисленное множество (досл.: конца-начала нет – чаще о пространствах)’; Ааң чүрегиниң аағы чоқ (КГВ) ‘У него нет добрых помыслов’; Толгай сугдың арғылар көп (ЧЭФ, 256) ‘У извилистой реки островов много’; “Қайзы пистиң күй көп?” *тедир*, “Қайзы пистиң күй ас?” *тедир*, “Қайзының күй көп полза ол өдүрөр!” (ОНЛ, 315) “У которого из нас силы много?”, – сказал, – “У которого из нас силы мало?”, – сказал, – “У которого из нас силы много есть если, он и убьет!”; Қан пергениң күжү ас пол чадыр... (ОНЛ, 316) ‘У Кана Пергена силы мало оказывается...’.

У всех ЭПП данного типа можно отметить структурный вариант с препозицией объекта обладания: Иш чоқтар пистиң ақтап чоқ ‘Безработных у нас совсем нет’.

Имя объекта обладания в данных конструкциях может иметь при себе посессивный показатель, кореферентный с именем субъекта обладания, или стоять в непряжательной форме. В результате образуются два структурно-семантических варианта посессивных ЭПП:

{N2 N+//+1 *пар/чоқ/көп* (Сор)} – вариант *наличия/отсутствия/количества определенных объектов обладания*:

Ааң мекези чоқ (КГВ) ‘В нем (абсолютно) хитрости-то нет (вы же знаете)’; Петяң қарамы чоқ (КГВ) ‘У Пети жадности-то нет’; Ааң қанығы чоқ (КГВ) ‘У него злобы-то ведь нет’; Ааң чүрегиниң қараазы чоқ (КГВ) ‘У него злых помыслов-то нет’; Бошпок кузьмичтиң теми чоқ (КГВ) ‘У Бошпока Кузьмича времени ведь нет’; Ажа по кижиниң ырызы чоқ (КГВ) ‘А может быть, у этого человека и нет совсем счастья-то’;

{N2 N1 *пар/чоқ/көп* (Сор)} – вариант *наличия/отсутствия/количества объекта обладания как одного из представителей класса объектов*:

Ааң чүрегинде от көп (КГВ) ‘В нем много огня’; Чоқ, пистиң чылышы ажарға права чоқ (КГВ) ‘Нет, у нас нет права открыть собрание’; Меең звание чоқ полған (КГВ) ‘У меня не было звания’; По кижиниң тезе тынаныш чоқ (КГВ) ‘У этого человека нет отдыха’.

Для ЭПП количества характерно использование в качестве предикатов экспрессивов, явно навеянных природными условиями Горной Шории, типа қойу чыш ‘густая чаша’. В качестве контраста могут служить экспрессивы типа қан талай ‘господин-море’:

Ааң чажы қан талай (КГВ) ‘У нее слез – море разлитое (букв.: ее слезы – господин-море)’; *Ааң шажы қойу чыш* (КГВ) ‘У нее волос полным-полно (букв.: ее волосы – густая чаша)’; *Ааң сүди қыйал* (КГВ) ‘У нее (у коровы) молока полным-полно (букв.: грех)’; *Ааң малы сааны чоқ/шөди чоқ (небе)* (КГВ) ‘У него скота бесчисленное множество (саны/шөт чоқ ‘бесчисленный’)’.

Обратите внимание на преимущественную определенность объектов, количество которых подвергается экспрессивной оценке. Действительно, раз оценивается их количество, то их существование уже предполагается, входит в пресуппозицию высказывания. Тем самым, данные высказывания не вводят новый объект рассмотрения, а характеризуют количество объектов, которые уже находятся в поле зрения говорящих.

Посессивное оформление объекта локализации можно объяснить и структурными факторами. По своей структуре это предложения характеристики, но данная структурная схема используется транспозиционно, для выражения локативной ситуации – экспрессивной оценки количества бытующих объектов. Возможно, притяжательная форма объекта обладания – это структурная память о бывшем посессивном словосочетании: *ааң шажы* ‘ее волосы’, а не ‘у нее, волос’. Тогда эта структурная особенность маркирует некоторую промежуточную ступень перехода от характеризующей структуры к локативной. Использование непосессивной формы объекта локализации маркирует переразложение характеризующей конструкции в локативную.

В русском языке граница между характеризующим и локативным предложением также нечеткая из-за использования локативной формы для маркирования темы высказывания: *У нее волос – море, У нее глаза карие*.

Все посессивные ЭПП можно, по нашему мнению, объединить в одну гипермодель на основании общности их структурно-семантической организации:

{N2 N1/N+//1 пар/чоқ/көп (Сор)} – гипермодель ЭПП *наличия/отсутствия/количества объектов обладания*.

Помимо отмеченных синтаксических структур посессивные отношения выражаются еще в двух типах именных посессивных ЭПП, в которых находит свое отражение ситуация локации в социальном пространстве собственника:

{N1 N+ЛЫГ (Сор)} – ЭПП *характеризации субъекта ситуации по наличию у него объекта обладания*: объект обладания (O^{lok}) маркирован специфической атрибутивной формой на +ЛЫГ и выступает в качестве

сказуемого ЭПП, а субъект обладания (Lok) является субъектом ЭПП; формально это характеризующая структура, которая служит выражению посессивных отношений, при этом субъект ЭПП характеризуется по наличию у него некоторого объекта:

Ол тўлгўлийз (ОПВ) ‘У него лиса есть, он с лисой’;

{N1 N+*НЫЇЫ* (Сор)} – ЭПП *принадлежности субъекта ситуации кому-либо*: субъект обладания (Lok) имеет атрибутивную форму на +*НЫЇЫ* и выступает в качестве сказуемого. Объект обладания является субъектом ЭПП. Это также использование характеризующей структуры для выражения локативных отношений, при этом субъект ЭПП характеризуется по его принадлежности кому-либо:

По мылтық менийи (ОПВ) ‘Это ружье – мое’.

В обеих конструкциях бытийный предикат *пол* выступает в качестве связки.

В посессивных ЭПП со сказуемым – бытийным предикатом, сказуемым – субъектом обладания, сказуемым – объектом обладания мы вновь видим три поворота, три возможности представления одной и той же *ситуации-референта* различными синтаксическими структурами в зависимости от взгляда на данную ситуацию субъекта говорения. При этом одной ситуации-референту соответствуют три различные пропозиции и три различные ситуации-денотаты: наличие объекта у данного субъекта (подчеркивается сам факт наличия), характеристика субъекта по наличию у него объекта обладания, характеристика субъекта по его принадлежности кому-либо.

Подобную картину мы наблюдаем и на примере бытийных ЭПП. В них также позицию сказуемого занимают поочередно все участники ситуации: бытующий объект, локализатор и бытийный предикат. Соответственно, одной ситуации-референту сопоставлены три денотативные ситуации и три ЭПП, их передающие: бытия, местонахождения и бытия/наличия бытующего объекта. Тем самым, есть возможность выбрать одну из структур в зависимости от того, как воспринимает конкретную ситуацию действительности субъект говорения.

Возможно, наличие подобного пучка ЭПП и возможность выбора одного из них можно тоже отнести к эгоцентрическим элементам языка, наряду со многими другими [Апресян 1996; Падучева 1996].

6. ЭПП с именными предикатами оценки среды

К рассмотренной группе ЭПП примыкают предложения, формируемые предикатами качественной оценки состояния среды: *сооқ*

‘холодно’, *күйш* ‘трудно’, *чақышы* ‘хорошо’, *чабал* ‘плохо’ (где? кому?). Эти предикаты образуют 2 ЭПП:

(1) {N5 Pread^{ОЦ} (Cop)} – ЭПП общей качественной оценки среды:

Эмде чыылыг (АЛН) ‘В доме тепло’; *Ташында сооқ* (АЛН) ‘На улице холодно’;

(2) {N5 N3 Pread^{ОЦ} (Cop)} – ЭПП оценки состояния субъекта в определенной среде:

Маға мында сооқ (АЛН) ‘Здесь мне холодно’; *Тайгада чагысқа қорғуштуг* (ОПВ) ‘В тайге одному страшно’.

Мы включаем их в число локативных конструкций условно, только постольку, поскольку они также содержат актант-локализатор.

Второе ЭПП оценки среды имеет прагматический структурный вариант: {N3 N5 Pread^{ОЦ} (Cop)} – структурный вариант с тематизацией субъекта состояния.

Предложения общей качественной оценки среды можно сравнить с 2 типами близких по смыслу предложений – характеризующим и предложением, передающим динамику состояния среды: *Эм сооқ* ‘Дом холодный’ и *Эм сооқтанча* ‘Дом остывает’. В отличие от ЭПП оценки некоторого состояния среды, первое из них обозначает стабильный признак, свойство характеризуемого объекта (*дом холодный* – это его свойство), а второе – процесс изменения среды (*дом стынет*, т.е. в нем было тепло, он был нагрет, а теперь в нем становится все холоднее, но это не значит, что уже холодно). В последнем случае за точку отсчета принято прежнее состояние дома, когда он был прогрет, в нем было тепло. В высказываниях общей качественной оценки за точку отсчета принята некоторая норма состояния среды.

Можно сделать следующие выводы.

1. Все бытийные ЭПП в шорском языке строятся собственно бытийными предикатами (именными и глагольными) и предикатами бытийного типа, которые характеризуют бытие по различным параметрам и являются диспозиционными предикатами.

2. В системе бытийных ЭПП основной является оппозиция *непосесивных* и *посесивных* ЭПП, различающихся в формальном плане структурно-семантическим типом локализатора: собственно пространственный локализатор *места локации* объекта, выраженный формой местного падежа (или формой его функциональных аналогов), и *посессор* – локализатор объекта в социальном пространстве собственника, – выраженный именем в родительном падеже или притяжательным местоимением.

3. Среди непосессивных ЭПП прослеживается две линии конструкций: конструкции, передающие пропозицию *местонахождения*, и конструкции, передающие пропозицию *экзистенции*. Первые представлены 1) ЭПП с глаголом *пол* в качестве связки при локализаторе в предикативной функции и 2) структурно-семантическим вариантом глагольных ЭПП с препозицией локализуемого объекта. Вторые представлены 1) ЭПП, формируемым связочным глаголом *пол* при локализуемом объекте в сказуемой функции, 2) ЭПП, которые строятся именными бытийными предикатами наличия, отсутствия и количества локализуемых объектов, а также 3) структурно-семантическим вариантом местонахождения у глагольных ЭПП, который характеризуется препозицией локализатора. Мы видим, что порядок компонентов является моделиобразующим фактором или же различает структурно-семантические варианты ЭПП. Эти варианты являются и прагматически маркированными: специфичность объекта локализации при ситуации местонахождения и его неспецифичность при бытийном варианте.

4. У экзистенциальных ЭПП мы выделяем семантические варианты *бытия* и *наличия*, различающиеся, во-первых, семантическим типом обозначенной ситуации (временное положение дел при варианте *наличия* и постоянная характеристика среды при варианте *бытия*); во-вторых, семантическим типом локализатора: *миропорождающее* локативное обстоятельство при бытийном варианте и *собственно локативное* обстоятельство при варианте наличия.

5. Среди посессивных ЭПП обращает на себя внимание последовательное различие их двух структурно-семантических вариантов: 1) наличие определенного объекта принадлежности у посессора при его притяжательном маркировании и 2) наличие объекта как представителя класса объектов при его отсутствии его притяжательного маркирования.

6. Как непосессивные, так и посессивные ЭПП предлагают говорящему на выбор в зависимости от его коммуникативной задачи три возможности обозначения одной и той же ситуации-референта: ЭПП со сказуемым – бытийным предикатом, ЭПП со сказуемым – объектом локализации, бытия или обладания и ЭПП со сказуемым – локализатором (локативным или посессором). Наличие такого пучка ЭПП можно рассматривать как один из эгоцентрических элементов языка.

Список моделей бытийных ЭПП

Мы представляем модель ЭПП как иерархическую структуру. Формулы гипермоделей, моделей и их вариантов располагаются ступенчато по следующей схеме.

Гипермодель:

модель

структурные варианты

семантические варианты

структурно-семантические варианты

Структурные варианты, которые обслуживают прагматику высказывания, относятся преимущественно к парадигматическому аспекту предложения. Мы приводим некоторые из них для иллюстрации того положения, что линейный порядок слов может быть моделиобразующим фактором, может различать структурно-семантические варианты предложения, а может иметь и только прагматическое значение.

А. Непосессивные глагольные ЭПП

- (1) {N1 N5 (пол_{fin})} – модель ЭПП *местонахождения*:
 {N1 N5//} – структурный вариант (только в настоящем времени);
- (2) {N5 N1 (пол_{fin})} – модель ЭПП *бытия/наличия*:
 {N5 N1//} – структурный вариант (только в настоящем времени);
 {N5^{миропорожд} N1 (пол_{fin})} – семантический вариант *бытия*;
 {N5^{собственно локативный} N1 (пол_{fin})} – семантический вариант *наличия*;
 {N5/N2^{Class} аразында N1^{specific} (пол_{fin})} – структурно-семантический вариант *выделения бытующего объекта из класса однородных объектов*;
- (3) {N5 N1 V^{exist} fin} – ЭПП *охарактеризованного бытия/местонахождения*:
 {N5 N1 V^{exist} fin} – структурно-семантический вариант *эксистенции*;
 {N1 N5 V^{exist} fin} – структурно-семантический вариант *местонахождения*;
 {N3 N1 V^{exist} fin} – *охарактеризованное неопределенно-дистрибутивное бытие*;
 {N1 N3 V^{exist} fin} – *охарактеризованное неопределенно-дистрибутивное местонахождение*.

Б. Посессивные глагольные ЭПП

- (1) Гипермодель ЭПП *обладания / охарактеризованного обладания объектом*:
 {N2 N1/N+//+1 V^{exist} fin}
- {N2 N1/N+//+1 пол_{fin}} – ЭПП *обладания*:
 {N1/N+//+1 N2 пол_{fin}} – прагматический структурный вариант с тематизированным объектом обладания;
 {N2 N+//+1 пол_{fin}} – структурно-семантический вариант *обладания определенным объектом*;
 {N2 N1 пол_{fin}} – структурно-семантический вариант *обладания одним из представителей класса объектов*;

{N2 N1/N+//+1 V^{exist} fin} – ЭПП *охарактеризованного обладания*:

{N1/N+//+1 N2 V^{exist} fin} – прагматический структурный вариант с тематизированным объектом обладания;

{N2 N+//+1 V^{exist} fin} – структурно-семантический вариант *охарактеризованного обладания определенным объектом*;

{N2 N1 V^{exist} fin} – структурно-семантический вариант *охарактеризованного обладания одним из представителей класса объектов*.

В. Непосессивные именные ЭПП

(1) Гипермодель ЭПП *наличия/отсутствия бытующего объекта*:

{N5 N1 пар/чоқ (Cop)}

{N5 N1 пар (Cop)} – ЭПП *наличия/бытия*:

{N1 N5 пар (Cop)} – прагматический структурный вариант с тематизацией бытующего объекта;

{N5^{миропорожд.} N1 пар (Cop)} – семантический вариант *бытия*;

{N5^{собственно локативный} N1 пар (Cop)} – семантический вариант *наличия*;

{N5/N2^{Class} аразында N1^{specific} пар (Cop)} – структурно-семантический вариант *выделения бытующего объекта из класса однородных объектов*;

{N5^{person} N1 пар (Cop)} – структурно-семантический вариант *временного обладания объектом*;

{N3^{person} N1 пар (Cop)} – структурно-семантический вариант *обладания объектом, предназначенным для своего использования*;

{N5/N2^{Class} аразында N1^{specific} пар (Cop)} – *выделение объекта из класса, к которому он принадлежит*;

{N5 N1 чоқ (Cop)} – ЭПП *отсутствия/небытия*:

{N1 N5 чоқ (Cop)} – прагматический структурный вариант с тематизацией бытующего объекта;

{N5^{миропорожд.} N1 чоқ (Cop)} – семантический вариант *небытия*;

{N5^{собственно локативный} N1 чоқ (Cop)} – семантический вариант *отсутствия*;

{N5/N2^{Class} аразында N1^{specific} чоқ (Cop)} – структурно-семантический вариант *выделения объекта из класса*;

{N5^{person} N1 чоқ (Cop)} – структурно-семантический вариант *временного отсутствия объекта у субъекта обладания или отсутствия чужого объекта в “сфере обладания” субъекта*;

{N3^{person} N1 чоқ (Cop)} – структурно-семантический вариант *отсутствия объекта, предназначенного для своего использования*;

(2) {N5 N1 *көн* (Cop)} – ЭПП количества:

{N1 N5 *көн* (Cop)} – прагматический структурный вариант с тематизацией бытующего объекта;

{N5/N2^{Class} *аразында* N1^{specific} *көн* (Cop)} – структурно-семантический вариант выделения ряда объектов из класса;

{N5^{person} N1 *көн* (Cop)} – структурно-семантический вариант временного наличия некоторого количества объектов у субъекта обладания;

{N3^{person} N1 *чоқ* (Cop)} – структурно-семантический вариант наличия некоторого количества объектов, предназначенных для своего использования, у субъекта обладания;

{N5 N1 Pred^{express} *небе/кижи* (Cop)} – экспрессивная оценка количества.

Г. Поссесивные именные ЭПП

(1) Гипермодель ЭПП наличия/отсутствия/
количества объектов обладания
{N2 N1/N+//1 *пар/чоқ/көн* (Cop)}

{N2 N1/N+//1 *пар* (Cop)} – ЭПП наличия объектов обладания;

{N2 N1/N+//1 *чоқ* (Cop)} – ЭПП отсутствия объектов обладания;

{N2 N1/N+//1 *көн* (Cop)} – ЭПП количества объектов обладания;

{N1/N+//1 N2 *пар/чоқ/көн* (Cop)} – прагматический структурный вариант с тематизированным объектом обладания;

{N2 N+//+1 *пар/чоқ/көн* (Cop)} – вариант наличия отсутствия / количества определенных объектов обладания;

{N2 N1 *пар/чоқ/көн* (Cop)} – вариант наличия/отсутствия / количества объекта обладания как одного из представителей класса объектов;

(2) {N1 N+*ЛЫҒ* (Cop)} – ЭПП характеристики субъекта ситуации по наличию у него объекта обладания;

(3) {N1 N+*НЫҒЫ* (Cop)} – ЭПП принадлежности субъекта ситуации кому-либо.

Д. ЭПП оценки среды

(1) {N5 Pred^{ОЦ} (Cop)} – ЭПП общей качественной оценки среды;

(2) {N5 N3 Pred^{ОЦ} (Cop)} – ЭПП оценки состояния субъекта в определенной среде;

{N3 N5 Pred^{ОЦ} (Cop)} – структурный вариант с тематизацией субъекта состояния.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Выпуск 28. М., 1986. С. 5–33.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М., 1976.

Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение: бытийный тип (структура и значение). М., 1983.

Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982.

Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.-Л.: АН СССР, 1941.

Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. 464 с.

Серээдар Н.Ч. Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1995.

Серээдар Н.Ч., Скрибник Е.К., Черемисина М.И. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск, 1996.

Телякова В.М. Бытийный тип предложений в шорском языке // Известия СО РАН. История, филология, философия. Новосибирск, 1993. Вып. 2. С. 24–31.

Чистяков Э.Ф. Учебник шорского языка: Пособие для преподавателей и студентов. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1992.

Clark, E.V. Locational, Existential, Locative, and Possessive Constructions // Universals of Human Language. Vol. 4. Syntax. Ed. Greenberg, J. Stanford, 1978.

Hengeveld, Kees. Non-verbal Predication: Theory, Typology, Diachrony. Functional Grammar Series 15. Mouton de Gruyter: Berlin – New-York, 1992.

Lyons, J. A note on possessive, existential, and locative sentences // Foundations of Language, 1967/3. P. 390–396.

Lyons, J. Existence, location, possession and transitivity // Logic, methodology, and philosophy of science, III. Amsterdam, 1968.

ИНФОРМАНТЫ И ИСТОЧНИКИ

АТ – Кусургашев В., переводчик Кравков М. Алтын таг (шор тилинге В. Кусургашев көчүргөн). Новосибирск, 1933.

ОФ – Есипова А.В. Определительные функции причастия в шорском языке. Новосибирск: Издательство НГУ, 1993. 130 с.

ОНЛ – Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзюнгарской степи. Т. I. СПб., 1866. 419 с.

СИ – Священная история на шорском наречии для инородцев восточной половины Кузнецкого округа. Казань: Православное Миссионерское Общество, 1883. 207 с.

ЧАИ – Чудояков А.И. Предисловие // Косточаков Г.В. Ала тагларым. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1995. С. 3–6.

ЧЭФ – *Чистяков Э.Ф.* Учебник шорского языка. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1992.

ШГ – *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1941. 307 с.

ШФ – *Дыренкова Н.П.* Шорский фольклор. М.-Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1940. 448 с.

АЛН	–	<i>Арбачакова Любовь Никитична</i>
БАВ	–	<i>Бекренев Анатолий Васильевич</i>
КАМ	–	<i>Кунгушева Анастасия Макаровна</i>
КГВ	–	<i>Косточаков Геннадий Васильевич</i>
ОПВ	–	<i>Отургашев Петр Васильевич</i>
ТСМ	–	<i>Тудегешева Светлана Михайловна</i>